

Лекция Рудольфа Штейнера

«О ДОБРОДЕТЕЛЯХ»¹

Читанная 31-го января 1915 г., Цюрих

Из цикла «Тайна смерти. Существо и значение Средней Европы и европейских Духов Народа»

GA159

Мои милые друзья!

Задача нашей духовной науки заключается в том, чтобы устранить в нашем сознании, во всей нашей духовной жизни ту пропасть, которая раскрывается для внешнего человеческого сознания между физическим миром (в котором человек проводит время между рождением и смертью) и духовным миром (в котором человек проводит другую часть своей жизни, время между смертью и новым рождением).

Это положение так естественно и понятно, так близко тому, кто всеми силами своей души живет в духовной науке; но оно становится особенно священным в такой момент, как сегодня.

Завтра в 11 часов будет произведена кремация тела фрау Коллацца, нашего милого члена, покинувшей на этой неделе физический план; и только что получено известие, что наш дорогой друг Фритц Митчер покинул физический план сегодня в пять часов дня близ Давоса. В обоих друзьях уходят от нас с физического плана дорогие нам души. Но духовная наука указывает путь к пониманию в более высоком смысле того, как можем мы не потерять эти души, но сохранить с ними связь.

¹ Перепечатка самиздатовского текста с минимальной корректурой, без сверки перевода с немецким оригиналом (Р.И.).

Большое число душ, принадлежавших к нам с тех пор, как мы работаем в нашем движении, прошла уже сквозь врата смерти. И можно сказать, – из тех источников, откуда истекают для нас вообще духовные знания, – что в меру своих сил они стали нашими верными помощниками в духовном мире; и эти слова могут быть сказаны мной с полной ответственностью, как и все то, что должно быть прочно обосновано на почве духовной науки: мы приобрели в них опору и защиту для нашего духовного движения, оглядываясь на то, чему они были преданы при жизни. В период между рождением и смертью они полюбили характер искания, развиваемый в нашем кругу; и оставили здесь в нашем обществе нечто, что находится на пути между смертью и новым рождением. Подобно тому, как природа является здесь для нас миром, на который мы смотрим, так можем мы смотреть назад, на нашу физическую жизнь, с того момента, который можно сравнить с рождением человека. Непосредственно после смерти человек проходит через состояние особого рода, позволяющее сравнить себя с эмбриональной жизнью, с жизнью в теле матери, с той разницей, что жизнь после смерти отсчитывается только днями, то есть гораздо короче эмбриональной жизни в отношении к физической жизни.

Далее следует то, что можем мы сравнить со вступлением в физический мир, с первым вдохом, – то, что можно назвать пробуждением в духовном мире, о чем можно говорить, как об узнавании, что воля души, прошедшей сквозь врата смерти, воспринимается существами высших иерархий. Как человек, появляющийся из тела матери в физический мир, чувствует себя, прежде всего, способным вдохнуть внешний воздух, как затем постепенно пробуждаются все его органы чувств, – так после смерти наступает мгновение, когда душа чувствует, что воля, которая при жизни была замкнута в границы физического тела, изливается теперь во вселенную, и душа чувствует, как эта воля воспринимается деятельностью первой из высших иерархий, Ангелами. Это и есть, как бы, первый вдох в духовном мире и постепенное вращение в духовное окружение.

Я хотел бы сказать теперь о судьбе тех, которые ушли от нас, с физического плана, в течение последних лет. Я хотел бы направить взор к тем, которые полюбили здесь наше духовное движение и смотрят на него оттуда, зная, что оно сообщает человеческим душам в физическом теле то же самое, чем они сами живут теперь в духовном мире.

И эта *возможность связать себя в воспоминании с земной жизнью* есть нечто, принадлежащее к духовному миру уже здесь, в физическом мире. Для тех, кто, как сказано, пришли сюда сквозь врата смерти, это означает нечто бесконечно ценное, бесконечно значительное. И если они вольются, как приток, в главную реку, в тот поток, который направляется к ним вверх из физического мира, и который берет свое начало в том, что они сопережили здесь в нашем движении, если они вольются в мысли тех, которые были преданы им из любви или благодаря естественным связям, тогда это общение будет гораздо более близким, чем вообще возможно в наше материалистическое время, ибо оно основано на духовных связях.

У большинства тех душ, которые ушли от нас, есть изумительно ясное ощущение необходимости нашего духовного движения; и для того, кто может взирать в духовный мир, все те, которые прошли сквозь врата смерти и взирают теперь вниз на духовное движение, с которым они были связаны, все они являются как бы вестниками этого движения, теми, кто несет перед нами духовные девизы, непрестанно взывая к нам: «Будучи вместе с вами, мы были убеждены в необходимости этого движения. Но, вступив в духовный мир, мы знаем, что можем и должны помогать теперь, когда это движение так необходимо».

Все больше и больше будут чувствовать это оставшиеся здесь, на физическом плане, те, которые потеряли здесь дорогих близких и друзей, и для которых вышесказанное может быть глубочайшим утешением в указании на возможность иметь здесь все, что завязывает еще более глубокую связь между душами даже и тогда, когда мы не можем уже быть связанными с ними через внешнее откровение, через физический глаз и физическое слово.

В такое время, как наше, когда внешняя культура, несмотря на последние остатки старых религий, строится целиком на материалистическом сознании, импульсы моральной жизни могут также основываться только на том, что принимается во внимание при таком построении жизни между рождением и смертью. Наряду со многим, что должно прийти благодаря нашему духовному движению, будет и новое построение всей моральной жизни, всей жизни добродетели в человечестве. Ибо люди научатся рассматривать моральную жизнь, жизнь добродетели, с того горизонта, который выходит за пределы рождения и смерти, который считается с тем, что человеческая душа проходит через повторные земные жизни, с тем, что человеческая душа, какой мы несем ее между физическим рождением и смертью, прошла уже через многие жизни и может надеяться и впредь на новые жизни, через которые ей предстоит пройти. Когда мы расширим свой горизонт с одной жизни на повторные земные жизни, это даст более широкое понимание жизни и более широкое и правильное понимание добродетели и нравственной жизни.

Говоря о человеческой добродетели, мы можем различать, прежде всего, четыре. Одна добродетель, о которой мы скажем впоследствии, есть та, которая живет в глубинах человеческой души, но о которой из священных причин надлежит говорить как можно меньше. Все остальные, существующие в жизни, составляющие моральную жизнь, могут рассматриваться как частные случаи тех четырех добродетелей, о которых особенно много говорилось в древности.

Платон, великий философ древней Греции, различал эти четыре добродетели, ибо он мог еще черпать свою мудрость из отзвуков древних мистерий. Под влиянием этих отзвуков древних мистерий он мог дать лучшую классификацию добродетелей, чем позднейшие философы, и даже чем наше время, когда знание стоит так далеко от мудрости мистерий и когда оно стало столь хаотичным.

Первая добродетель, о которой мы должны помнить, когда говорим о нравственной жизни в том смысле, который открывается нам из более широкого познания человеческой природы, есть добродетель **мудрости**. Но эту мудрость следует понимать глубже и более, чем это

думают обычно, связанной с этикой, с учением о морали. Нельзя сказать, что мудрость есть нечто, могущее некоторым образом просто так *снизойти* на человека. Еще менее мудрость есть то, что можно *изучать* в обычном смысле. И совсем нелегко охарактеризовать в нескольких словах, что, собственно, означает для нас эта мудрость. Если мы живем так, что даем воздействовать на себя всему, что приближается к нам в жизни, если различные события служат для нас побуждением, если мы учимся познавать, что в том или ином случае могли бы поступить более правильно, могли бы лучше, сильнее развить наши силы, если мы внимательны ко всему, что встречает нас в жизни, в том смысле, что приходящее во второй раз мы рассматриваем уже не так, как приходящее в первый, но чувствуем за собой некоторый опыт, если мы всю жизнь сохраняем настроение, что у жизни нужно учиться, а не просто увеличивать свои знания, но становиться внутренне все лучше, все значительнее, то мы растем тогда в мудрости, и ничто не проходит без значения для нашей душевной жизни.

Жизнь для нас проходит без всякого значения, если мы, прожив десятки лет, судим о чем-либо совершенно так же, как судили прежде. Живя таким образом, мы дальше всего от мудрости. Может случиться, что в юности мы приходим в гнев или дурно судим о том или другом в людях. Если это так и останется позже, то мы плохо провели свою жизнь. Мы провели ее хорошо, если в случае отрицательного суждения в юности мы впоследствии судим уже не отрицательно, но с прощением и пониманием, если мы стараемся понять. Если от рождения некоторые вещи приводят нас в гнев, а впоследствии, когда мы становимся старше, этого не бывает, как было в юности, если благодаря урокам жизни мы освободились от гнева и стали мягче, то мы провели свою жизнь в духе мудрости. Если в юности мы были материалистами, а затем дали воздействовать на себя тем откровениям духовного мира, о которых захотело сказать нам время, если мы дали воздействовать на себя этим откровениям, то мы провели свою жизнь в духе мудрости. Если же мы замыкаемся перед откровениями духовного мира, то мы проведем всю свою жизнь не в духе мудрости.

Это обогащение, это расширение кругозора есть то, что можно назвать прохождением жизни в духе мудрости. И то, что хочет нам дать духовная наука, способно открыть нас навстречу жизни, сделать нас более нужными в жизни. Мудрость есть то, что в высшей степени противоречит человеческому эгоизму; мудрость есть то, что всегда считается с ходом событий. Мы позволяем ходу мировых событий научить нас, ибо через это мы выходим из своих узких суждений нашего «Я». Мудрый человек не может судить эгоистически, ибо, участь у мира, он учится исправлять на нем свое суждение, так что мудрость как бы вырывает нас из тесно замкнутого кругозора и приводит к созвучию с собой.

Можно было бы привести еще многое, могущее постепенно дать нам описание мудрости. Но мы должны стремиться не к определению таких понятий, а к тому, чтобы оставлять свою душу открытой и достигать все большей и большей мудрости также и в отношении самой мудрости.

Все, что может человек пережить в бодрственной жизни, здесь, в физическом мире, должно пользоваться орудиями высшей физической и эфирной природы. Как люди, между рождением и смертью, мы только во время сна находимся своим душевным существом, поскольку оно есть «Я» и астральное тело, вне своего физического и эфирного тела. Поскольку мы стараемся переживать свои человеческие действия, свое мышление, чувства и ощущения в духе мудрости, мы пользуемся теми органами своего физического и эфирного тела, которые являются известным образом наиболее совершенными в нашей земной жизни, которые потребовали наибольшего времени для своего изготовления, которые подготовлялись с Сатурна, Солнца и Луны, и перешли как наследие в нашу жизнь, которые достигли известного завершения и являются, следовательно, наиболее готовыми, совершенными.

Я хотел бы еще с другой стороны дать вам понятие о том, что можно разуметь под «более или менее совершенными органами». Возьмем, с одной стороны, например, мозг. Мозг не есть еще самый совершенный орган, но мы все же можем назвать его более совершенным, чем другие органы, ибо он потребовал более долгого

времени для своего развития. Сравним наш мозг со средней частью нашего тела, где мы имеем руки. Когда мы хотим что-нибудь сделать руками, то у нас является мысль: я протягиваю руку, беру вазу, отвожу руку назад. Что я здесь сделал? «Я» протянул не только физическую руку, но и эфирную и астральную руку и часть моего «Я». Физическая рука двигалась вместе с ними.

Когда я мыслю, питаю в себе мысли, то ясновидящее сознание может видеть, как из головы также протягиваются как бы эфирные руки; но физический мозг остается внутри, в черепной коробке. Точно так же, как эфирная и астральная рука принадлежат к физической, так же и эфирное и астральное принадлежат мозгу. Мозг не может следовать; руки же могут следовать за своим эфирным и астральным. Но впоследствии и руки так же будут закреплены, и мы будем тогда в состоянии двигать только их астральной частью. Руки находятся на пути становления тем же, чем мозг является уже теперь. В прежние времена – в период Солнца и Луны – то, что теперь протягивается от мозга только духовно, было сопровождается также и физическим органом. Теперь это покрылось черепной коробкой, так что физический мозг связан в ней все время земного развития. Мозг есть орган, прошедший больше стадий развития. Руки находятся на пути стать подобными мозгу, ибо весь человек на пути становления мозгом. Итак, есть органы более совершенные, более отъединившиеся от развития, и менее совершенные. Более совершенные органы действуют в том, что мы совершаем из мудрости. Наш обыкновенный мозг служит только орудием для низшей формы мудрости, для земного ума. Но чем больше мы приобретаем мудрости, тем меньше мы связаны с большим мозгом, тем больше деятельности отходит к малому мозгу, – что неизвестно внешней анатомии, – к тому, что замкнуто в нашем черепе как малый мозг (мозжечок), и что имеет вид дерева. Став мудрыми, мы, люди, находимся буквально под «деревом», которое есть малый мозг, начинающий тогда развивать свою деятельность.

Представьте себе, как человек, достигший особой мудрости, простирает органы своей мудрости, как мощные ветви, вовне. Они имеют свой корень в мозжечке, он лежит внутри черепной коробки; но

духовные органы простираются наружу, и человек находится под деревом, под деревом будхи, в реальности, в духовной реальности.

Таким образом, мои милые друзья, мы видим, что, действуя в мудрости, мы находимся в том, что есть самое духовное в нас, или хотя бы принадлежит к самому духовному; ибо эти органы уже находятся в покое. Делая что-либо рукой, мы должны еще часть сил затрачивать на движение руки. Когда же мы обсуждаем, решаем нечто из мудрости, то органы остаются спокойными, на физические органы не затрачивается никаких сил, и мы являемся более духовными; те органы, которые мы употребляем на физическом плане, чтобы жить в мудрости, требуют от нас наименьшей затраты сил, являются в известном смысле наиболее совершенными.

Поэтому в нравственной жизни мудрость есть нечто, заставляющее человека пережить себя духовно. С этим связано то, что человек приобретает в мудрости, что делает его способным извлечь возможно больше плодов из прежних жизней. Так как в мудрости мы живем в духовном, не напрягая физических органов, то благодаря этой жизни в мудрости мы способны более всего сделать плодотворными для настоящей жизни достижения прежних – перенести сюда мудрость из прежних воплощений.

Для человека, который не хочет стать мудрым, мы имеем хорошее выражение на немецком языке. Мы называем его *филистером*: филистер есть тот, кто противится достижению мудрости, кто всю свою жизнь хочет оставаться таким, как он есть, кто не хочет изменять своих суждений. Но человек, став мудрым, стремится извлечь из своих прежних воплощений все, что там было сделано и накоплено. Чем более мы становимся мудрыми, тем больше мы переносим из прежних воплощений в настоящее; и если мы не хотим увеличивать свою мудрость, оставляя праздну лежать мудрость прежних воплощений, то приходит некто и завладевает ею: **Ариман**. Никому так не приятно, как Ариману, чтобы мы не увеличивали мудрость. Силы у нас есть. В прошлых воплощениях мы достигли гораздо, гораздо большего, чем мы думаем, достигли гораздо большего в те времена, когда мы проходили через древнее ясновидческое состояние. Каждый мог бы стать более

мудрым, чем он становится. Никто не может отговариваться тем, что он мог мало принести с собой. *Стать мудрым – это значит: достигнутое в прежних воплощениях перенести сюда так, чтобы оно наполнило нас в этом воплощении.*

Другая добродетель, мои милые друзья, в сущности, трудно выразима словами: назовем ее **мужественность**. Это состояние духа, которое предполагает не пассивное отношение к жизни, но проявление сил. Мужественность, можно сказать, есть добродетель, которая исходит из сердца. О том, кто обладает ею в обыкновенной жизни, говорят, что «у него сердце на месте»; это же выражение подходит и к нам, если мы в состоянии не убежать трусливо от того, что требует от нас жизнь, но владеть собой и умело вступаться там, где это необходимо. Если мы способны проявлять свою активность, – короче, если мы храбры (выражение «храбрый» также хорошо для этой добродетели), – то мы обладаем ею. Можно сказать также, что эта добродетель, которая связана со здоровой душевной жизнью, недостаток которой влечет за собой трусливость, эта добродетель в ходе физической жизни может проявляться только при помощи известных органов. Эти органы, к которым принадлежат *физическое и эфирное сердце*, не столь совершенны, как те, которые служат мудрости. Эти органы находятся лишь на пути преобразования, и в будущем они станут другими. Между мозгом и сердцем огромная разница в отношении космического становления. Представьте себе, что человек проходит сквозь врата смерти, проходит через жизнь между смертью и новым рождением. Его мозг есть вообще продукт Божественного. Мозг пронизан силами, которые совершенно уходят, когда человек переступает врата смерти, и в следующей жизни мозг строится совсем заново, считая и духовные силы, а не только материальные. Таким образом, заново строятся также и духовные силы мозга.

Другое нужно сказать относительно сердца. Дело обстоит так, что, правда, не физическое сердце, но силы, действующие в физическом сердце, сохраняются; они уходят в астральное и в «Я», оставаясь также и в период между смертью и новым рождением. Те же самые силы,

которые бьются теперь в нашем сердце, будут биться также и в следующий раз при новом воплощении. То, что действует в мозгу, уходит, не появляется в следующей инкарнации. Но силы, затрагивающие сердце, выступают также и в следующем воплощении.

Если мы посмотрим внутрь головы, мы можем сказать: там действуют незримые силы, слагающие мозг, но когда человек проходит сквозь врата смерти, эти силы передаются космосу. Внимая же биению человеческого сердца, мы внимаем тем духовным силам, которые имеются не только в этом воплощении, но будут жить также и в следующем, которые проходят сквозь смерть и сквозь новое рождение.

Народное чувство чудесным образом знало об этом. Поэтому оно так ценило пульсацию сердца, не из-за физических ударов сердца, но потому что мы взираем на нечто гораздо более вечное, когда слышим биение человеческого сердца. Имея добродетель мужественности, храбрости, мы можем употреблять для нее только часть известных сил; другую часть мы должны употреблять на органы, служащие орудием для этой второй добродетели. Ибо эти органы требуют известной затраты сил. Если мы не одарены мужеством, не проявляем смелость, остаемся пассивными, трусливо отступая перед жизнью, предаваясь тяжести своего существа, то мы не можем оживить тех сил, которые должны жить в проявлениях добродетели мужества, смелости.

Когда мы отступаем перед жизнью, то бездействуют также и те силы, которые должны были бы пронизывать наше сердце. Они служат тогда жертвой Люцифера. Он завладевает ими и отнимает их у нас в следующей жизни. Быть трусливым перед жизнью означает отдавать Люциферу нечто от сил, недостающих нам затем, когда в следующем воплощении мы хотим построить свое сердце, которое есть, собственно, орган, орудие мужества; и мы приходим тогда в мир с недостаточными, неразвитыми органами.

Третья добродетель, связанная с наименее совершенными органами, которые только в будущем получают свой образ, являющийся теперь лишь в зачатке, может быть названа **рассудительность**. В известном смысле ее можно назвать также **«умеренностью в жизни»**.

Вместе с ней мы имеем, таким образом, три добродетели: *мудрость, мужество (или храбрость), рассудительность (или умеренность).*

«Нерассудительным» можно быть во многих отношениях. Также и в том, мои милые друзья, чтобы чрезмерно пить и есть. Это есть низкий род нерассудительности. Здесь душевное совершенно теряется в телесном желании, и мы живем исключительно в теле. Когда мы берем в руки свои желания, когда мы указываем своему телу, что оно может и чего не может делать, тогда мы являемся *рассудительными*, можно также сказать, *умеренными*. И благодаря этой умеренности правильно овладеваем теми силами, которые в будущем воплощении не отдадут Люциферу указанных органов. Ибо мы предаем ему те силы, которые мы расходуем, отдаваясь жизни в страстях. *Хуже всего, когда страсти одурманивают нас, когда мы чувствуем себя хорошо, предаваясь мечтаниям, безотчетным порывам.*

Теряя умеренность, мы всякий раз отдаем свои силы Люциферу. Он берет эти силы, а с ними вместе берет также и силы, необходимые нам для органов дыхания и пищеварения; так что в следующей жизни мы приходим с дурными органами дыхания и пищеварения, если прежде не развивали в себе добродетели умеренности. Кто любит предаваться жизни своих вожделений, кто позволяет увлекать себя жизни своих страстей, тот является кандидатом на упадочного человека в будущем, страдающего от всевозможных недостатков физического тела.

Можно сказать, добродетель умеренности связана с наименее совершенными органами в человеке, с органами, которые находятся в начальной стадии развития, которые должны быть еще существенно преобразованы. Приводя в движение органы пищеварения и то, что с ними связано, мы должны действовать из «Я», астрального тела, эфирного тела и физического тела. Переходя к органам, служащим для мужественности, мы имеем уже другое. Тогда мы остаемся своим «Я» более или менее вовне; движемся в нем свободно, и только наше астральное и эфирное входят в физическое.

Когда же мы приходим к тем добродетелям, которые охватываются мудростью, то мы удерживаем свое астральное тело и «Я» свободными вне физического. Ибо по мере того, как мы становимся все более и более мудрыми, мы организуем астральное тело, получаем власть над астральным телом. Существенно, что с возрастанием мудрости мы преобразуем астральное в манас, и что тогда только эфирное идет вместе с физическим. И между тем, как обычно в бодрствовании все наше тело весьма сильно связано хотя бы с астральным в своих физических органах, в отношении мозга мы сохраняем больше всего то состояние, в котором мы находимся во время сна. Поэтому для мозга мы больше всего нуждаемся в физическом сне. Ибо, когда мы бодрствуем, то своим «Я» и астральным телом мы находимся также вне мозга, и они должны (астр. т. и «Я») быть более всего напряжены, не имея опоры в физическом органе.

Так устанавливаем мы связь между своим человеческим существом и добродетелями. Мы можем назвать *мудрость* той добродетелью, которая дается человеку как духовное существо, когда оно свободно действует своим «Я» и астральным телом, имея в физическом и эфирном органе только некоторую задержку. Мы можем назвать *мужество*, как добродетель, там, где человек свободен только в своем «Я», имея опору в своем астральном, эфирном и физическом теле. Мы можем говорить, наконец, об умеренности, когда мы свободны только в ростке своего «Я», когда своим «Я» мы связаны с астральным, эфирным и физическим телом и вырабатываемся своим «Я» из этой связанности.

Далее следует наиболее духовная из всех добродетелей. Эта духовнейшая добродетель стоит в известном отношении ко всему человеку. Существует, можно сказать, такое владение человеческим существом, которое мы весьма рано утрачиваем, которое мы имеем в первые годы детства. Я часто уже говорил о том, что здесь имеется в виду. Дело в том, что, вступая на физический план, мы не имеем того положения, которое необходимо для нашего человеческого достоинства. Мы ползаем на четвереньках. Я обращал внимание на то, что только мы сами, своей собственной силой, приводим себя в

правильное положение. Точно так же мы развиваемся с помощью тех сил, которые заложены в языке. Короче, в первые годы жизни мы развиваем те силы, которые направляют нас, – обратите внимание на это выражение, – направляют нас к тому положению, которое мы имеем в мире как подлинные люди. Мы вступаем в мир, не имея этого «правильного» положения, мы ползаем. Но мы получаем его, выпрямляя свою голову к звездам; это соответствует нашим человеческим силам.

Мы утрачиваем эти силы в позднейшей жизни. Они уже не выступают впоследствии. Не выступает то, что действовало бы в человеческой жизни так же сильно, как прямохождение и хождение. Мы все больше и больше устаем от «держания себя выпрямленными». Мы можем в известном смысле сказать, что, начиная с раннего утра жить своим мозгом, мы устаем к концу дня и чувствуем потребность заснуть. То, что выпрямляет нас от усталости в детстве, остается довольно усталым всю жизнь и уходит в период сна; и мы не применяем в позднейшей жизни того, что было бы подобно выпрямлению в детстве, мы ищем тогда направления в жизни.

Как же мы ищем этого направления в жизни, когда учимся говорить? Дело в том, что те силы, которые мы применяем в самом раннем детстве, не вполне теряются для нас в позднейшей жизни. Они остаются у нас, но являются соединенными с одной добродетелью, которая находится в связи с правильным, с добродетелью всеобъемлющей **справедливости**, с четвертой добродетелью. Та же сила, которую мы употребляем в детстве, когда выпрямляемся из ползающего существа в прямоходящее, та же сила живет в нас, когда мы обладаем добродетелью *справедливости*, четвертой из перечисленных Платоном.

Кто действительно упражняется в добродетели справедливости, тот ставит каждую вещь, каждое существо на должное место, тот выходит из самого себя и погружается в эту вещь, это существо: это значит жить во всеобъемлющей справедливости. В то время как «жить в мудрости» означает извлекать лучшие плоды из сил, накопленных нами в прошлых воплощениях, и при этом мы должны указывать на то,

что досталось нам из прежних воплощений, когда Божественные силы еще пронизывали нас, тогда как при добродетели справедливости мы должны указывать на большее, на наше происхождение из космоса. Мы действуем в справедливости, когда развиваем те силы, благодаря которым мы – духовно – связаны с космосом. *Справедливость* служит мерой того, насколько человек связан с Божественным. *Несправедливость* на практике равна безбожию, равна потере своего Божественного происхождения, и мы оскорбляем Бога, от которого произошли, когда несправедливо относимся к человеку.

Таким образом, мы имеем две добродетели: *мудрость* и *справедливость*, которые указывают нам назад, на то, чем мы были в прошлых воплощениях, на те времена, когда мы сами были в Божественном лоне. И мы имеем две другие добродетели: *мужественную* и *рассудительную* жизнь, которая указывает на будущие воплощения. Мы собираем для последних тем больше сил, чем меньше мы отдаем Люциферу. Мы видели, как мужественное и рассудительное переходит в органы и подготавливает тем самым органы для будущего воплощения. Так распространяется нравственная жизнь на будущую жизнь, когда мы наполняемся духовностью. Две добродетели освещают нам прошлые воплощения: *мудрость* и *справедливость*. *Храбрость* и *рассудительность* освещают нам будущие воплощения.

Придет время, когда человеку станет ясно, что, замыкаясь от справедливости и мудрости, он бросается в пасть Аримана. И то, что принадлежало ему в прошлых воплощениях, что принадлежало Божественному миру, он бросает Люциферу, благодаря всему, что он совершает в жизни нерассудительного или трусливого. То, что уловляет для себя Люцифер, сказывается недостатком сил для построения нашего тела в следующей жизни.

Мудрости и *справедливости* мы не в состоянии проявить, пока не отрешимся от самости. Кто корыстолюбив, тот будет всегда несправедлив. Кто хочет оставаться немудрым, тот будет всегда корыстолюбивым. Мудрость и справедливость возвышают нас над самостью и делают нас членами организма всего человечества.

Мужество (или смелость) и рассудительность делают нас членами организма всего человечества благодаря тому, что мы мужественно и рассудительно проводим свою жизнь в человечестве. Только переживая мужество и рассудительность, только проводя в них свою жизнь, мы заботимся о том, чтобы в будущем поставить себя с более крепкой организацией в среду этого человечества. От нас не отнимается тогда то, что иначе мы как бы бросаем Люциферу. Эгоизм сам собой превращается в бескорыстие, если он расширяется до горизонтов всей жизни, и человек ставит себя в свет четвертой добродетели. Это принесет духовную мудрость будущему человечеству и распространится на этику и на нравственную жизнь. Это же изольется затем и в педагогику. Восприняв мудрость и справедливость, как я это указал, захотят учиться всю жизнь; поймут, что по-настоящему учиться следует именно тогда, когда юность уже прошла, между тем как теперь люди думают, что, выйдя из юности, они уже ничему не должны учиться. Так утрачиваются для человечества даже лучшие и величайшие плоды искусства великих поэтов. Они лучше всего раскрылись бы в нас, если бы мы в старости взяли снова их произведения. Читая Ифигению Гете, или Вильгельма Телля Шиллера, думают: все это мы ведь уже читали в школе. Но это неверно, ибо нельзя забывать, что эти произведения действуют лучше всего, если их читать в старости, ибо тогда они служат для мудрости и справедливости.

И детская педагогика будет также особенно плодотворна, если в правильном свете увидеть добродетели мужества и рассудительности. Эти добродетели следует рассматривать индивидуально, постоянно указывая детям, что они должны смело вступать в жизнь, не бояться того или другого, не отступать, и что они должны воспринимать жизнь в умеренности и рассудительности, дабы постепенно избавиться от страстей. Этим можно бесконечно многое сделать в воспитании ребенка. В будущих духовнонаучных рассмотрениях мы будем еще много говорить об этом.

Таким образом, мы видим, как законы нравственной человеческой жизни, имеющие значение только на внешнем физическом плане, для

жизни между рождением и смертью, бесконечно расширяются благодаря духовнонаучному исследованию. Здесь происходит то же самое, что и в других областях духовной науки. Человечество должно было пережить, например, расширение горизонта в естествознании. Джордано Бруно указывает людям, что существует не только Земля, но что в мировом пространстве есть множество других миров. Духовная наука указывает людям, что есть не одна, но многие земные жизни. До Джордано Бруно люди думали, что над ними вверху есть граница. Джордано Бруно показал, что синева неба не есть граница. Духовная наука показывает, что смерть и рождение вовсе не существуют, но что мы ставим их в жизнь благодаря ограниченности нашего понимания.

Так строится мост между физическим и духовным. Таково положение вещей в духовной науке для тех, кто утверждает подлинный действительный монизм. Называющие себя монистами часто слишком упрощают монизм. Они берут только часть мира и делают ее единством, отбрасывая другую. Истинный монизм возникает из продуманного слияния обеих половин. Это происходит благодаря духовной науке. Но это не должно оставаться продуманным только в сознании, это должно перейти в жизнь; обращаясь к миру, мы должны все больше и больше знать: во всем, что живет и действует вокруг нас, есть нечто сверхчувственное; не только в том, что видит глаз, но и в том, что может воспринять рассудок, связанный с мозгом; за всем стоят силы, за каждым явлением – за явлением радуги, за движением руки и т.д., – во всем присутствуют духовные силы.

Если вы прочтете цикл лекций, который я читал в начале прошлого года в Лейпциге, то вы увидите, как импульс Христа подействовал через Мистерию Голгофы, как Христос живет во всем важнейшем, что касается человечества, а не только в познании. В познании люди спорили из-за догматов. Но в то время, как они спорили, импульс Христа жил и вызывал то, что должно было совершаться.

Возьмем фигуру Орлеанской Девы. В развитие Европы вступает простая пастушка. Вступает совсем особенно, так что в ее душе живут не обыкновенные человеческие силы, но действует импульс Христа, оживляя и неся ее своим мощным воздействием. Она была сама как бы

изображением импульса Христа для своего времени. И могла быть этим, ибо в нее вошел импульс Христа.

Вы знаете, что мы празднуем Рождество в то время, когда солнечная сила слабее всего, в глубочайшем мраке зимы, ибо тогда мы можем быть уверены, что внутренний свет, духовный свет является наиболее мощным.

Древняя сага рассказывает нам, что от Рождества до 6-го января люди переживали нечто совершенно особенное, ибо в это время жизнь и внутренние силы Земли являются наиболее сосредоточенными. Люди, обладающие сверхестественными способностями, могут пережить тогда духовные силы Земли. Лучшее время для этого суть 13 дней, предшествующие 6-му января.

Орлеанская Дева провела эти 13 дней в особом состоянии, в том состоянии, когда ее душа не была еще открыта для восприятия внешнего мира. Станным образом время, когда она была в теле матери, закончилось на Рождестве 1411-го года. Она родилась 6-го января, пробыв последние 13 дней еще в теле матери. Прежде чем она сделала свой первый вдох, прежде чем физическими глазами увидела физический свет, она пережила земное в течение 13 дней, которые человек проходит перед вступлением в физический мир.

Я указываю здесь на вещи, имеющие огромное значение, показывающие нам, как мир управляется из духовного, как нечто, происходящее в физическом мире, получает руководящее направление из духовного мира, как под поверхностью физического протекает духовный мир.

Так должны мы в наше время, охватывая его все более и более сознательно с помощью духовной науки, устранять пропасть между физическим и духовным. Мы делаем это для одной области жизни, когда сознаем, что внутри нашего движения присутствуют силы тех, которые при своей жизни соединили с нашим движением свое тело и душу, прошли сквозь врата смерти; и когда мы смотрим туда, на другой берег реки, где они теперь действуют. Когда мы смотрим на них и чувствуем себя соединенными с ними, направляя к ним свои мысли, то мы делаем это из полного сознания, которое мы приобрели себе

благодаря духовной науке. Мы сознаем себя в живейшей связи с теми, которые прошли сквозь врата смерти, и сознаем в себе лучшее развитие их сил.

Если мы можем уже так поступать или мыслить, то мы смотрим на жизнь как на жатву. Посреди того, что посеяно нами, мы видим повсюду пробивающиеся растения, которые всходят без того, чтобы мы их насадили. И тогда мы можем узнать: эти растения посеяны теми, кому дано уже быть в мире духа, теми, с кем мы чувствуем себя связанными, с кем мы соединяемся в одно.

Человеческое братство также и с теми, кто не носит уже на себе физического тела, и тех, кто чувствует себя членами нашего движения, и кто в будущем себя к нему причислит, будет характерным признаком нашего движения. Другие общества, построенные на земном, устранят известные границы между людьми; но границы между живущими и умершими будут все больше и больше преодолеваться в том движении, которое соединит людей желающих объединиться на почве духовного знания. Будем же все мы нести в своей душе это сознание, и примем на себя, как постоянное ощущение, именно эту особенность, которая связывает нас со ставшим для нас дорогим духовным движением.